

— Возраст уже не тот, и мы не одного поколения. К тому же во время визита государевой наложницы Юань к родным в основном молодёжь обсуждала стихи и тексты, а Матушка Цзя не принимала в этом участия.

Когда Хун Мэй в очередной раз спросила, нужно ли изменить голос, Чэн Юй услышал внутренний голос:

Он хочет изменить голос.

Изменить!

Из девяти человек осталось трое, кто ещё не проголосовал.

Один — он сам, другой — Гу Ши, и ещё один — Ван Ло, чья судьба на спортивной площадке неизвестна.

Чэн Юй внимательно вспомнил слова, которые Гу Ши когда-то говорил ему.

Фраза «Цзя Юаньчунь» относилась не к персонажу, который был исключён, как и они, а к тому, кого Гу Ши всегда подозревал.

— Учительница Хун Мэй, могу я попросить несколько минут для вопросов? — Чэн Юй обратился к Хун Мэй, показывая, что хочет задать вопросы.

Даже если он собирался воспользоваться правом изменить голос, его аргументы должны были убедить всех, иначе это было бы бесполезно. Поэтому Чэн Юй и попросил об этом.

Хун Мэй посмотрела на него и сказала:

— Хорошо, три минуты.

— Спасибо. — Чэн Юй поблагодарил Хун Мэй за предоставленную возможность задать вопросы.

Всего три минуты на вопросы, и в этот момент Чэн Юй направил своё внимание на трёх присутствующих женщин: Сюй Инь, Сюй Тин и Ю Цзя.

Тогда, когда несколько мужчин отправились в аудиторию 555 для приёма пищи, Сюй Инь, Сюй Тин и Ю Цзя остались в аудитории 520, где ели торт. В это время в аудитории 555, где находился Чэн Юй, трижды погас свет. Чэн Юй тогда предположил, что это связано с ингредиентами для приготовления пищи — помидорами — и теми, кто ел блюда с помидорами.

Однако сейчас он изменил своё первоначальное мнение.

Он предположил: когда в аудитории 555 гас свет, могло ли быть, что в аудитории 520 кто-то изменил карту персонажа.

Если так, то всё, что происходило в аудитории 555, было обманом, направленным на то, чтобы отвлечь его внимание от трёх оставшихся женщин в аудитории 520.

Бабуля, конечно, не собиралась раскрывать ему никакой информации о занятии.

Однако, когда он попросил задать вопросы, он заметил, что среди присутствующих Сюй Инь, Ю Цзя и Цзинь Кэ выглядели немного напряжёнными и беспокойными.

Эти мелкие движения и детали попали в поле зрения Чэн Юя и вызвали его дальнейшие размышления.

Всё это время Чэн Юй понимал, что упустил очень важную подсказку. А именно, что во время двух тайных голосований, кодовых имён и ролей он тратил время и силы, чтобы сопоставить их, угадывая кодовые имена и карты персонажей. Всё это само по себе было правильным, но именно это и привело его к тому, что он застрял в заблуждении.

Как будто он застрял в этой истории и не мог выбраться.

И только сейчас он понял, почему.

В истории все обычно сосредотачивают внимание на персонажах и событиях, но упускают самое важное — основу повествования.

А именно — время.

Время.

С древних времён в каждой истории время играло ключевую роль.

Время визита государевой наложницы Юань к родным само по себе было огромной загадкой, но он ранее упустил этот базовый элемент.

Даже всегда сдержанный Гу Ши, когда его спросили, просто и ясно ответил: потому что это визит государевой наложницы Юань к родным.

Сам визит по времени был проблематичным!

Да, ответ в истории был прост, но задание и способ мышления отвечающего усложнили простой вопрос.

Чэн Юй словно прозрел и в этот момент понял многое.

Будь то проблема с ящиком, обнаруженная после первого тайного голосования, или их направление в аудиторию 555, или даже огромный праздничный торт, который принесла Бабуля...

Все эти события, связанные вместе, помимо того что вводили его в заблуждение, имели ещё одну важную причину — скрыть факт замены карт персонажей в аудитории 520.

Теперь Чэн Юй вдруг почувствовал благодарность к Бабуле. Казалось, она давала ему подсказки, но он их тогда упустил.

Например, тот торт: когда он хотел создать атмосферу, спев песню на день рождения, она предупредила его, чтобы он шёл в аудиторию 555. Или когда Гу Ши сказал, что ящик выглядит некрасиво, она быстро согласилась заменить его.

Чэн Юй подошёл и, глядя в глаза девочке, задал первый вопрос:

— Сяо Тин, сколько тебе лет?

Сюй Тин взглянула на Сюй Инь и медленно произнесла:

— Де... двенадцать.

— Точно? Смотри мне в глаза и скажи. — Чэн Юй изменил своё прежнее отношение к девочке, пристально глядя на Сюй Тин, словно допрашивал преступника.

Резкая перемена в поведении и давление напугали девочку, она вздрогнула, её взгляд забегал, и она больше не осмеливалась смотреть на Чэн Юя.

Раньше добрый старший брат, а теперь он стал таким чужим, чужим и пугающим.

Чэн Юй, глядя на Сюй Тин, прижавшуюся к Сюй Инь, вдруг тихо усмехнулся.

Сюй Тин солгала.

Когда Бабуля записывала информацию, он слышал всё чётко, так как был последним, и он хорошо запомнил данные каждого.

Сюй Тин — тринадцатилетняя школьница, сирота.

Но только что она сказала ему, что ей двенадцать.

Сюй Тин солгала.

Ребёнок не станет врать взрослому без причины, и единственная причина, по которой она солгала, — это Сюй Инь.

Сюй Инь что-то скрывала.

Чэн Юй и Сюй Инь уставились друг на друга. Сюй Инь молчала, одной рукой успокаивая напуганную Чэн Юем Сюй Тин.

Они молча смотрели друг на друга несколько секунд, после чего Чэн Юй с усмешкой отошёл.

Он вспомнил информацию, которую ему сообщил Гу Ши. Тогда, чтобы выведать у Сюй Тин какую-то информацию, он попросил Гу Ши помочь ему увести Сюй Инь. В конце Гу Ши сказал ему, что Сюй Инь — это Цзя Юаньчунь.

Теперь он понимал, что Цзя Юаньчунь точно не Сюй Инь.

Кто бы стал так легко раскрывать свою роль? Ведь эти люди с Гу Ши были совсем не близки. Даже Чэн Юй с его общительным характером, когда спрашивал Хуан Тая, потратил немало слов.

А вот бывший военный, инструктор по боевым искусствам Старина К, был самым откровенным, на любой вопрос отвечал прямо.

Могла ли Сюй Тин быть той самой Цзя Юаньчунь?

Пока нельзя сказать наверняка.

Оставалась ещё Ю Цзя.

Казалось, она уже ожидала, что Чэн Юй подойдёт к ней с вопросами, и потому вела себя спокойно.

— Похоже, у тебя есть вопросы ко мне? — Ю Цзя подняла глаза, встретив взгляд Чэн Юя.

Активная, — мысленно похвалил её Чэн Юй.

Состояние Ю Цзя сейчас сильно отличалось от прежнего.

Особенно после того, как Ван Ло увели, она вернулась снаружи, словно стала другим человеком.

— Кодовое имя «Баоцзы не так ароматны, как мантоу» — это ты? — Чэн Юй смотрел ей в глаза.

Спокойные глаза Ю Цзя несколько раз дрогнули. Её взгляд отклонился от Чэн Юя.

Ю Цзя сказала:

— Нет.

Чэн Юй усмехнулся:

— Похоже, это действительно Ван Ло подвёл тебя.

Ю Цзя...

Чэн Юй повернулся и жестом показал Хун Мэй, что закончил с вопросами.

— За кого ты хочешь изменить голос? — спросила Хун Мэй.

Чэн Юй ответил:

— За Ю Цзя.

Голос Ю Цзя был отдан за Цзя Баоюя.

Возраст и единственный мужчина, строго следуя логике истории, никак не могли его убедить. Причина, по которой он раньше не предлагал изменить голос, заключалась в том, что он хотел определить окончательные намерения всех. Но теперь стало ясно, что кто-то намеренно переключил внимание на роли Матушки Цзя и Цзя Баоюя.

Осталось три голоса. Чэн Юй сказал:

— Нас девять человек, и я хочу, чтобы этот голос был засчитан за Ван Ло. В конце концов, он тоже один из нас.

Хун Мэй спросила:

— Так за какую роль ты меняешь голос?

— За Цзя Юаньчунь. — Чэн Юй посмотрел на Ю Цзя.

Осталось два голоса. Чэн Юй показал свой голос, а также попросил Хун Мэй показать голос, который Гу Ши оставил перед уходом.

Оба были за Цзя Юаньчунь.

— Изложи свои аргументы, — сказала Хун Мэй.

Голоса и роли резко изменились, и сердца всех присутствующих замерли.

Цзя Юаньчунь была тем персонажем, который, по мнению Чэн Юя, не должен был существовать.

Почему?

Маленького Гу увели, а Сяо Юй всё ещё находится в аудитории, размышляя, кто же тот, кто не должен существовать.

Сочувствую нашему маленькому Гу, малыш. Мама тебя любит, ты молодец, потерпи. Когда выясним, кто тот, кто не должен существовать, Сяо Юй лично поедет за тобой.

[Благодарю за чтение]

<http://bllate.org/book/16242/1460069>